

На правах рукописи

ИБАДОВ Нушираван Вагиф оглы

**ПОЛИТИКА МЯГКОЙ СИЛЫ ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (2002–
2025)**

Специальность 5.6.7.

История международных отношений и внешней политики

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2026

Работа выполнена на кафедре теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Научный руководитель:

КУРЫЛЕВ Константин Петрович
доктор исторических наук, профессор

**Официальные
оппоненты:**

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна
доктор социологических наук,
профессор
Автономная некоммерческая
организация «Национальный
исследовательский институт развития
коммуникаций», заместитель директора
по научной работе

МАЛЫШЕВА Диана Борисовна
Доктор политических наук
Национальный исследовательский
институт мировой экономики и
международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии
наук (ИМЭМО РАН)

ЧМЫРЕВА Вера Александровна
кандидат исторических наук
Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
«Институт экономики Российской
академии наук»

Защита состоится «05» ноября 2026 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета ПДС 1000.009 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо–Маклая, д. 10, к. 2, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно–научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо–Маклая, д. 6.

Автореферат разослан «01» октября 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета ПДС 1000.009
кандидат исторических наук, доцент

Т.И. Понька

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Трансформация системы международных отношений в первой четверти XXI века выдвинула проблему мягкой силы (soft power) из разряда вспомогательных концепций в число определяющих факторов национальной безопасности и внешнеполитической экспансии. В этом контексте опыт Турецкой Республики представляет собой уникальный политологический кейс. С момента прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г., Анкара инициировала масштабный пересмотр своей региональной стратегии, сделав ставку на комплексное использование культурных, образовательных и гуманитарных инструментов для закрепления статуса ключевого игрока в Центральной Азии.

Выбор хронологических рамок исследования (2002–2025 гг.) обусловлен качественной сменой парадигмы турецкого присутствия. Если в последнее десятилетие XX века политика Турции в регионе во многом носила декларативный и во многом романтизированный характер, то с 2002 года начался процесс прагматичной институционализации влияния. Актуальность анализа этого периода возрастает на фоне того, что именно за эти двадцать с лишним лет Турция сумела выстроить многоуровневую инфраструктуру воздействия, включающую такие структуры, как ТИКА, Институт имени Юнуса Эмре, Фонд «Маариф» и Совет сотрудничества тюркских государств (ныне ОТГ). Исследование эволюции этих институтов позволяет проследить, как Турция адаптировала концепцию Джозефа Ная под собственные цивилизационные и геополитические задачи.

Научная актуальность работы усиливается тем фактом, что к 2025 г. турецкая мягкая сила в Центральной Азии претерпела существенную метаморфозу, фактически трансформировавшись в формат «умной силы» (smart power). Мы наблюдаем, как гуманитарное сотрудничество и образовательные программы («Türkiye Bursları») сегодня выступают фундаментом для военно–технического взаимодействия и формирования общих логистических коридоров, таких как «Срединный коридор». В условиях текущей геополитической турбулентности и частичного перераспределения ролей традиционных центров силы (России и Китая), турецкий фактор становится для государств Центральной Азии критически важным инструментом балансирования и обеспечения суверенитета.

Особого внимания в рамках актуальности темы заслуживает идеологическая составляющая политики Анкары. В исследуемый период Турция предложила

странам региона модель «современного восточного государства», сочетающего в себе технологическое развитие, исламские ценности и национальную идентичность. Эта модель оказалась крайне востребованной среди политических элит Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Туркменистана, ищущих пути модернизации без радикальной вестернизации. Анализ того, как турецкие сериалы, мода, архитектура и образовательные стандарты формируют новую потребительскую и политическую культуру в регионе, является необходимым условием для понимания долгосрочных векторов развития Центральной Азии.

Период до 2025 г. также охватывает важный этап цифровизации мягкой силы. В последние годы Анкара активно использует инструменты цифровой дипломатии и социальных медиа для воздействия на молодежную аудиторию региона, что создает долгосрочный эффект «притяжения». Научное осмысление этого процесса позволяет выявить скрытые механизмы формирования лояльности, которые не всегда фиксируются классическими методами политического анализа. Более того, в условиях нарастающего соперничества великих держав, Турция позиционирует себя как «третий путь», что делает ее стратегию в 2002–2025 гг. эталонным примером маневрирования средней державы в полицентричном мире.

Актуальность исследования диктуется и необходимостью деконструкции рисков, сопровождающих турецкую экспансию. Противоречия между национальными интересами стран Центральной Азии и региональными амбициями Анкары, влияние внутривнутриполитических процессов в самой Турции на устойчивость ее внешней политики – все это требует глубокого научного мониторинга. Без детального анализа пройденного пути с 2002 г. и текущих тенденций 2025 г. невозможно дать адекватный прогноз развития тюркоязычного вектора мировой политики.

Таким образом, комплексный характер турецкой политики мягкой силы, ее динамика от культурного диалога к жесткой институционализации и ее роль в изменении регионального баланса сил определяют выбор темы диссертационного исследования и ее несомненную значимость для современной политической науки и практики международных отношений.

Степень научной разработанности темы исследования. При изучении роли мягкой силы во внешнеполитической деятельности Турции в XXI в. использованы работы большого количества различных исследователей, международников, историков, политологов, юристов. Труды по данной тематике можно подразделить

на четыре ключевых платформы: российская, турецкая, и западная и работы авторов из Центральной Азии.

Российские исследования. Российский дискурс в изучении турецкой мягкой силы характеризуется комплексным подходом, сочетающим анализ концептуальных основ внешней политики Анкары с оценкой ее геополитического влияния на постсоветском пространстве.

Фундаментальное значение для формирования теоретико–методологической базы настоящего диссертационного исследования имеют труды представителей ведущих отечественных научных школ. Особую роль в концептуализации проблемы сыграли работы исследователей кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН).

В частности, системные подходы к изучению Центральной Азии как самостоятельной и динамично формирующейся подсистемы международных отношений глубоко проанализированы в фундаментальных трудах под редакцией К.П. Курылева¹. Разработанный концептуальный аппарат позволил диссертанту рассмотреть регион не просто как объект внешнего воздействия, а как сложный геополитический комплекс со своими внутренними закономерностями развития.

Значительный вклад в понимание энергетического, логистического и инфраструктурного измерений региональных процессов внесли публикации С.С. Жильцова². Его ретроспективный анализ трубопроводной геополитики и геоэкономической конкуренции в Каспийском регионе послужил важным подспорьем для выявления прагматических интересов внешних акторов и структурных ограничений в Центральной Азии.

Комплексный анализ институциональных механизмов влияния Анкары опирается на исследования А.В. Енокяна³. Изучение специфики и эволюции

¹ Курылев К. П. (под ред.). Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений. М.: Аспект–Пресс, 2024. 312 с. Он же. Курылев К. П. Ключевые интересы России – цели и задачи в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9, № 1. С. 9–25. Он же. Экология как новая арена геополитики. Центральная Азия и Южный Кавказ: коллективная монография / под ред. К. П. Курылева. М.: Аспект Пресс, 2026. 421 с.

² Жильцов С. Трубопроводы в Центральной Азии и Каспийском регионе: новый этап борьбы // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. №. 3. С. 139–153

³ Енокян А. В. Значимость «мягкой силы» во внешней политике Турции в 2002–2022 гг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. №. 4. С. 609–619. Он же. Енокян А. В. Фактор «мягкой силы» во внешней политике Турецкой Республики на Южном Кавказе (2002–2022 гг.) [The factor of “soft power” in the foreign

турецкой мягкой силы на постсоветском пространстве в период с 2002 по 2022 гг., представленное в его работах, позволило более полно и всесторонне раскрыть процессы трансформации культурно–гуманитарной дипломатии Турецкой Республики в реальный политический капитал.

Д.Б. Малышева⁴ исследует внешнеполитические стратегии Турции, а также динамику международных отношений в Центральной Азии и на Ближнем Востоке: в частности, анализирует центральноазиатское и ближневосточное направления турецкой внешней политики, конкуренцию внешних акторов в постсоветской Центральной Азии и трансформацию их стратегий в новых геополитических условиях (в том числе после 2022 г.). Среди ключевых выводов автора – фиксация усиления многовекторности политики стран Центральной Азии, выявление эволюции приоритетов внешних игроков (включая Турцию, Россию и Китай) и обоснование того, что транспортно-логистические, интеграционные и культурно-образовательные проекты становятся важнейшими инструментами влияния в регионе.

В работах В.А. Чмыревой⁵ внешняя политика Турции анализируется сквозь призму ее рецепции в американском экспертном сообществе и корреляции турецких амбиций в Евразии с национальными интересами России. Ключевым выводом исследователя выступает обоснование амбивалентного статуса Анкары: будучи элементом евроатлантического блока, она одновременно утверждает себя как автономный центр силы, выстраивающий сложную парадигму «конкурентной кооперации» на постсоветском пространстве. Автор также фиксирует устойчивую преэминентность в стратегическом планировании Вашингтона, стремящегося интегрировать турецкий регионализм в западную повестку с учетом динамики евразийских интеграционных процессов.

policy of the Turkish Republic in the South Caucasus (2002–2022)]: дисс.... канд. истор. наук: 5.6. 7. 2023.

⁴ Малышева Д. Б. Центральноазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. 2024. № II (LXIII). С. 60–72. Она же. Малышева Д. Б. Перегрузка стратегий внешних акторов в Центральной Азии после 2022 г. // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9, № 1. С. 26–35. Она же. Малышева Д. Б. Международно–политическая конкуренция на постсоветском центральноазиатском пространстве // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 106–115.

⁵ Чмырева В. А. Роль Турции на постсоветском пространстве в американской внешнеполитической экспертизе // Мировая политика. 2023. № 1. С. 26–36.

Особое место в изучении современной Центральной Азии занимают работы В. В. Комлевой⁶. Автор детально анализирует, как трансформируются политические и социальные системы региона, уделяя внимание не только официальным институтам, но и «скрытым» механизмам: клановым структурам и патрон–клиентским связям. В ее исследованиях прослеживается, как международные НПО влияют на гражданский сектор, и как демографические сдвиги меняют облик местной элиты. Отдельный интерес представляет анализ научной среды – в частности, того, как зарождалась и какими методами пользуется современная политология Таджикистана. В конечном счете, Комлева показывает регион как сложное пространство, где внутренняя жизнь стран неразрывно переплетена с интересами внешних игроков.

Особое место в российской историографии занимают комплексные исследования В.А. Аваткова⁷, который пишет о турецком национализме как инструменте геополитической экспансии в тюркское пространство (в т.ч. Центральную Азию). Его подход заключается в том, что Турция предстает как ревизионистская сила, стремящаяся к лидерству через организации Тюркского совета и мягкую силу, что угрожает идентичности постсоветских государств и интересам России. Тематика сочетает анализ институтов с критикой неоосманизма/пантюркизма как основы анкарской стратегии.

⁶ Комлева В. В. Элитообразование в странах Центральной Азии // Власть. 2025. Том 33. № 3. С. 153–165. Она же. Комлева В. В. Современная политическая наука Таджикистана: методологические ориентиры и исследовательские приоритеты // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 190–210. Она же. Комлева В. В. Международные НКО на территории стран Центральной Азии // Обозреватель. 2021. № 12(383). С. 5–18.

⁷ Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 291–302.

О.А. Шамарина⁸, Е.С. Фесенко⁹, М.А. Шпаковская, О.В. Барнашов¹⁰, А.П. Романова, Д.А. Черничкин¹¹, Н.А. Минасян¹² понятия «неоосманизм» и «пантюркизм» отмечают, как основу турецкой экспансии. П.В. Шлыков¹³ глубоко проанализировал изменения во внешней политике Партии справедливости и развития (ПСР) и идеологии евразийства в турецком понимании. Исторические и идеологические корни идеологии пантюркизма, лежащей в основе культурно-гуманитарного влияния Анкары, фундаментально исследованы В.А. Надеиным-Раевским¹⁴, а общие методы Турции для формирования своего позитивного образа на международной арене – А.Г. Гаджиевым¹⁵.

В работах Е.М. Савичевой¹⁶ освещена проводимая Анкарой ближневосточная и евразийская политика. Теоретико-методологические подходы к оценке возможностей мягкой силы (в том числе турецкая модель) и способы для ее количественного измерения исследованы Я.А. Амелиной¹⁷. В основном деятельность турецких институтов мягкой силы, эволюция идеологии пантюркизма

⁸ Политика «мягкой силы» Турции в странах. Центрально–Азиатского региона: от головокружительного «турецкого марша» до политики неосманизма // История и историческая память. 2019. № 19. С. 100–115.

⁹ Фесенко Е.С. Неопантюркизм во внешней политике Турции: направления взаимодействия с государствами Центральной Азии // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 5 (69). С. 217–221.

¹⁰ Шпаковская М., Барнашов О. В. Концепция неосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. 2018. С. 30–36

¹¹ Романова А.П., Черничкин Д.А. Влияние Турции и пантюркизма на конструирование новых национальных идентичностей Каспийского региона: пример Туркменистана и Казахстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 181–206.

¹² Минасян Н.А. Инструменты реализации пантюркизма в современной турецкой внешней политике и их восприятие основными региональными и внерегиональными акторами // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1. С. 57–81.

¹³ Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. №. 1. С. 58–76.;

¹⁴ Надеин–Раевский В.А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и Постсоветский Восток. 2024. Т. 1. №. 5.

¹⁵ Гаджиев А. Г. Турция–ЕС // Проблемы и перспективы развития отношений (1963–2019). Москва, Институт востоковедения РАН. 2020.

¹⁶ Савичева Е. М. Отношения турецкой республики с арабскими государствами персидского залива (2002–2021 гг.).

¹⁷ «Мягкая сила» и внешняя политика Турции между экспансией и реалиями. / под ред. Я.А. Амелиной. Москва: Воробьев А.В., 2023. 380 с.

и становление ОТГ как основного инструмента Анкары в Евразии глубоко анализируются в трудах З. Саримсокова¹⁸.

Отдельные аспекты культурной и образовательной дипломатии Анкары стали предметом пристального внимания российских тюркологов. В.А. Аватков и Н.Р. Узунова¹⁹ совместно разбирали деятельность правительственного агентства ТИКА, института имени Юнуса Эмре и Управления по делам религии (Diyanet). А.С. Сваранцев²⁰ анализировал воздействие стипендиальных программ и деятельность турецких лицеев в формировании протурецких элит за рубежом. А.С. Исхаков²¹ рассматривает, какое воздействия оказывают турецкие сериалы и СМИ в формировании политического имиджа Турции.

Региональный фокус применения турецкой мягкой силы в Центральной Азии отражен в трудах видных российских специалистов по региону. Интеграционный потенциал мягкой силы Турции в Центральной Азии изучали А.В. Белоглазов и Р.Н. Надыров²². Объектом исследований И.З. Нафикова²³ стали процесс институционализации тюркского сотрудничества, создание и эволюция Тюркского совета в ОТГ. А.В. Калакутский²⁴ и А. Вернигора²⁵ анализировали экономические аспекты мягкой силы Турции и конкуренции инфраструктурных проектов (в

¹⁸ Саримсоков З. Тюркский фактор в политике мягкой силы Турции в отношениях со странами Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 7. С. 609–615.

¹⁹ Аватков В.К., Узунова Н.Р. "Мягкая сила" Турции во внутренней политике России: институциональное измерение // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 1. С. 62–75.

²⁰ Сваранц А.С. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе и в Центральной Азии. М.: Академия гуманитарных исследований, 2002. 600 с.

²¹ Белоглазов А.В., Надыров Р.Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX – начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 7. С. 1381–1385.

²¹ Нафиков И.З. Турецкая внешняя политика в странах Центральной Азии в постсоветское время: региональная интеграция в новых политических реалиях // Известия Восточного института. 2024. № 1 (61). С. 116–123.

²² Белоглазов А.В., Надыров Р.Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX – начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 7. С. 1381–1385.

²³ Нафиков И.З. Турецкая внешняя политика в странах Центральной Азии в постсоветское время: региональная интеграция в новых политических реалиях // Известия Восточного института. 2024. № 1 (61). С. 116–123.

²⁴ Калакутский А.В. Сравнительный анализ внешнеполитических стратегий Китая, США, Турции по отношению к странам Центральной Азии // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 10. С. 125–132.

²⁵ Вернигора А. Турецкие инвестиции в странах Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № IV. С. 139–153.

частности, Срединного коридора). Работы Л.Д. Мишина, З.П. Рожкова²⁶ посвящены современному сотрудничеству Турции с Казахстаном.

Турецкие исследования. Проблематика мягкой силы в современной внешнеполитической стратегии Турции находит отражение в трудах целого ряда турецких авторов и государственных деятелей.

Концептуальные основы современной турецкой дипломатии и идеология возвращения Анкары в регионы своего исторического присутствия подробно раскрыты в трудах А. Давутоглу²⁷, И. Калына²⁸ и А. Балджи²⁹. В внешней политике использование культурного и исторического наследия вместо силового давления является главным тезисом их работ. Т. Огузлу³⁰ в своих трудах исследует внедрения американского концепта мягкой силы к внешнеполитическим реалиям Турции и впервые проводит его глубокий академический анализ. О процессе изменения дипломатии правящей Партии справедливости и развития (ПСР) от традиционного кемализма к многовекторности, неоосманизму и пантюркизму пишут З. Оныш³¹, и К. Киришчи³². Масштаб эффективности мягкой силы Турции (в условиях нехватки экономических ресурсов) представлен в статьях Мелихи Бенли Алтуншык³³ а геополитическое переосмысление роли Евразии для Анкары анализируется Бюлентом Арасом³⁴.

Для формирования позитивного имиджа Турции за рубежом анализ проводимой культурной и публичной дипломатии, а именно оценивание работы

²⁶ Мишин Л.Д., Рожкова З.П. Отношения Узбекистана и Турции: от тупика к «братству» // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 6. С. 706–716.

²⁷ Давутоглу А. Стратегическая глубина: Международное положение Турции = Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu / пер. с турецк. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 с.

²⁸ Калын И. Турецкая внешняя политика: Основы, ценности и механизмы = Turkish Foreign Policy: Framework, Values, and Mechanisms // International Journal. 2012. Vol. 67, № 1. P. 7–21.

²⁹ Балджи А. Турецкая внешняя политика: Принципы, акторы, практика = Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler, Uygulamalar. İstanbul: Etkileşim Yayınları, 2013.

³⁰ Oğuzlu T. Soft power in Turkish foreign policy / T. Oğuzlu // Australian Journal of International Affairs. 2007. Vol. 61, № 1. P. 81–97.

³¹ Öniş Z. Globalization and Party Transformation: Turkey's Justice and Development Party in Perspective / Z. Öniş // Globalizing Politics, Party Politics. 2008. P. 121–145.

³² Kirişçi K. The transformation of Turkish foreign policy: The rise of the trading state / K. Kirişçi // New Perspectives on Turkey. 2009. № 40. P. 29–57.

³³ Altunışık M. B. Challenges to Turkey's Soft Power in the Middle East / M. B. Altunışık // TESEV Foreign Policy Bulletin. İstanbul, 2011.

³⁴ Aras B. Turkey and Eurasia: Frontiers of a new geographic imagination / B. Aras, H. Fidan // New Perspectives on Turkey. 2009. № 40. P. 195–219.

культурных центров Юнуса Эмре отражены в трудах Сенем Б. Чевика³⁵. Религиозный фактор как специфический инструмент мягкой силы, а также деятельность Управления по делам религий (Diyanet) в продвижении турецкой модели ислама за рубежом, обстоятельно проанализированы в работах Х. Явуза³⁶.

Существует обширный корпус исследований, посвященных региональному измерению мягкой силы Турции в Центральной Азии. Процессы институционализации в тюркском мире, деятельность ТЮРКСОЙ и как Тюркский Совет эволюционировала из Тюркского совета в ОТГ главные темы работ Фырата Пурташа³⁷. Х. Кахвечи и И. Кушчу Бонненфант³⁸ анализирует историю отношений Турции со странами Центральной Азии от романтизма начала 1990-х гг. к современному прагматичному стратегическому партнерству. Развитие двусторонних связей тоже занимает главное место в исследованиях турецких авторов: так, потепление отношений с Узбекистаном после 2016 г. исследует Тургут Демиртепе³⁹.

Западные исследования турецкой внешней политики и мягкой силы традиционно сфокусирована на проблемах трансформации геополитической идентичности Анкары, ее отдаления от евроатлантических структур и поиске самостоятельной роли в Евразии.

Классические работы У. Хейла⁴⁰ и Ф. Робинса⁴¹ об изменениях внешней политики Турции. В западном академическом дискурсе особую популярность приобрела дискуссия о так называемом «сдвиге оси» (axis shift) в политике Анкары.

³⁵ Çevik S. B. Turkey's Public Diplomacy / S. B. Çevik, P. Seib. New York : Palgrave Macmillan, 2015. 304 с. URL: <https://www.perlego.com/book/3502393/turkeys-public-diplomacy-pdf> (дата обращения: 15.04.2026).

³⁶ Yavuz M. H. Islamic Political Identity in Turkey. Oxford : Oxford University Press, 2003. 320 с. ISBN 0-19-512982-3. URL: https://books.google.com/books/about/Islamic_Political_Identity_in_Turkey.html?id=9Ho8DwAAQBAJ (дата обращения: 15.04.2026).

³⁷ Purtaş F. Cultural Diplomacy Initiatives of Turkic Republics / F. Purtaş // Perceptions: Journal of International Affairs. 2016. Vol. 21, № 3. P. 61–84.

³⁸ Kahveci H., Kuşçu Bonnenfant I. Turkish Foreign Policy Towards Central Asia: An Unfolding of Regionalism and Soft Power // All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace. 2023. Vol. 12. No. 2. P. 195–218.

³⁹ Demirtepe T. Redefining the Contemporary Relations between Turkey and Uzbekistan / T. Demirtepe // Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2013. № 36. P. 125–140.

⁴⁰ Hale W. Turkish Foreign Policy since 1774. 3rd ed. London: Routledge, 2012. 328 p.

⁴¹ Robins P. Suits and Uniforms: Turkish Foreign Policy Since the Cold War. Seattle: University of Washington Press, 2003. 400 p.

Эксперт Совета по международным отношениям (CFR) С. Кук⁴² глубоко анализируют основные причины перехода Турции от прозападной ориентации к стратегической автономии. Неосманизм, имперские амбиции правящей элиты стали основой для книги директора турецкой программы Вашингтонского института С. Чагаптая⁴³ и исследований А. Муринасона⁴⁴.

Специфика западного подхода заключается в изучении «турецкой модели» как инструмента мягкой силы. П. Кубичек⁴⁵ активно исследовал в начале 2010-х гг. способности Турции стать образцом демократического ислама для стран Востока. Однако в более поздних работах Б. Парка⁴⁶ и Г. Тол⁴⁷ говорится о провале этой модели и о том, как Анкара пользуется исламским фактором (в частности, сетями Управления по делам религии) в прагматичных внешнеполитических целях, что детально описывает оксфордский исследователь Дж. Лорд⁴⁸.

Значительный пласт западных исследований посвящен геополитическому и экономическому позиционированию Турции на постсоветском пространстве. Роль Турции как энергетического хаба и ключевого звена Среднего коридора (проекты в обход России) фундаментально исследована Г. Уинроу⁴⁹. Ф. Хилл⁵⁰ является ведущим американским экспертом по региону, и в ее работах подробно изучается политика балансирования Турции между Москвой и Западом в Евразийском пространстве. Французский политолог М. Ларюэль⁵¹ подробно разбирает влияние идеологии евразийства на турецкие политические элиты.

Центральноазиатский вектор политики Анкары рассматривается западными учеными сквозь призму конкуренции великих держав (New Great Game). Директор

⁴² Cook S. A. Neither Friend nor Foe: The Future of U.S.–Turkey Relations. Washington, 2018.

⁴³ Çağaptay S. Erdogan's Empire: Turkey and the Politics of the Middle East. London, 2019. 360 p.

⁴⁴ Murinson A. Turkey's Entente with Israel and Azerbaijan: State Identity and Security in the Middle East and Caucasus. London, 2009. 240 p.

⁴⁶ Park B. Modern Turkey: People, State and Foreign Policy in a Globalized World. London, 2011. 240 p.

⁴⁷ Tol G. Erdogan's War: A Strongman's Struggle at Home and in Syria. Oxford, 2022. 336 p.

⁴⁸ Lord C. Religious Politics in Turkey: From the Birth of the Republic to the AKP. Cambridge, 2018.

⁴⁹ Winrow G. M. Turkey and the East–West Gas Transportation Corridor // Turkish Studies. 2004. Vol. 5, No. 2. P. 23–42.

⁵⁰ Hill F., Taspinar O. Turkey and Russia: Axis of the Excluded? // Survival. 2006. Vol. 48, No. 1. P. 81–100.

⁵¹ Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. Baltimore, 2008.

Института Центральной Азии и Кавказа С. Корнелл⁵² подробно анализирует процесс распространения влияния Турции в Каспийский регион и Центральную Азию. В трудах британского географа Н. Мегорана⁵³ и Э. Кавальского⁵⁴ исследуются отношения государств Центральной Азии с незападными акторами, а также с Турцией, и их реакция на мягкую силу Турции. Предметом исследований Н. Касеновой⁵⁵ и итальянского политолога К. Фраппи⁵⁶ является политика Турции в сфере инфраструктуры и экономики в регионе.

Центральноазиатские исследования. Работы центральноазиатских исследователей, посвященные мягкой силе и внешней политике Турции, отражают идеи сохранения национального суверенитета, реализации многовекторной дипломатии и укрепления региональной идентичности.

Концептуальные основы отношений стран региона с Турцией и воздействие на эти отношения конкуренции великих держав исследуется в трудах ведущих аналитиков региона. М.Т. Лаумулин⁵⁷ и Б.К. Султанов⁵⁸ подробно исследуют роль Турции во внешней политике Казахстана и геополитических изменениях в Евразии. В узбекской историографии макрорегиональный подход и концепт стратегического партнерства Ташкента и Анкары в условиях трансформации макрорегиона разрабатывается Ф.Ф. Толиповым⁵⁹.

⁵² Cornell S. E. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington, 2001.

⁵³ Megoran N. Nationalism in Central Asia: A Biography of the Uzbekistan–Kyrgyzstan Boundary. University of Pittsburgh, 2017.

⁵⁴ Kavalski E. Central Asia and the Rise of Normative Powers: Contextualizing the Security Governance of the European Union, China, and India. Bloomsbury, 2012.

⁵⁵ Kassenova N. Central Asia and EU Connectivity Strategy: An Opportunity for Synergy. Davis Center for Russian and Eurasian Studies, 2019.

⁵⁶ Frappi C. The Caspian Sea Chessboard: Geo–Political, Geo–Strategic and Geo–Economic Analysis. EGEA Spa, 2014.

⁵⁷ Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2005. Т. 1. 704 с

⁵⁸ Султанов Б.К. Казахстан и внешние акторы: особенности взаимодействия в новых геополитических условиях // Казахстан в глобальных процессах. 2018. № 2. С. 14–28.

⁵⁹ Толипов Ф.Ф. Стратегическое партнерство в Центральной Азии: двусторонний и многосторонний форматы // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 20, № 3. С. 22–35. Он же Толипов Ф.Ф. Турция и Узбекистан: ренессанс отношений в контексте макрорегиональной трансформации // Вестник ИСМИ. Ташкент, 2019. № 4. С. 41–55.

Одним из важных направлений исследований центральноазиатских ученых является процесс тюркской интеграции. Узбекский исследователь Б.Х. Эргашев⁶⁰ уделяют особое внимание процессу эволюции Тюркского Совета в ОТГ и путям перехода от культурно–гуманитарного сотрудничества к политико–экономическому союзу. Специфика туркмено–турецких отношений, базирующихся на принципе позитивного нейтралитета Ашхабада и формуле «одна нация –два государства», раскрывается Ш.А. Ширмурадовым⁶¹.

Механизмы применения Турцией инструментов мягкой силы в регионе и социально–политические результаты данного процесса подвергаются всестороннему анализу. Отдельное внимание центральноазиатские авторы, такие как М.Б. Бекбосынова⁶², уделяют роли турецкого кинематографа (сериалов) и масс–медиа в конструировании общей социокультурной реальности и привлекательного имиджа Турецкой Республики у местной молодежи. Религиозный аспект взаимодействия и экспорт турецкой модели ханафитского мазхаба изучаются А.К. Муминовым⁶³.

Таким образом, автором было изучено значительное количество работ, посвященных внешней политике Турции и ее ключевой составляющей – концепции мягкой силы, а также методам ее реализации в Центральноазиатском регионе. Тем не менее, несмотря на наличие существенного массива литературы, тема мягкой силы Турции в Центральной Азии не получила комплексного освещения и остается изученной не в полной мере.

Объектом исследования является политика мягкой силы Турции в Центральной Азии.

Предмет исследования – концептуальные основы, методы, инструменты реализации концепции мягкой силы во внешней политике Турции в регионе Центральная Азия.

⁶⁰ Эргашев Б.Х. Трансформация Тюркского совета: взгляд из Узбекистана // Центральная Азия на перекрестке интересов. Ташкент: ЦЭИР, 2021. С. 132–146.

⁶¹ Ширмурадов Ш.А. Внешнеполитический нейтралитет Туркменистана и стратегическое партнерство с Турецкой Республикой // Мирас. Ашхабад, 2017. № 4. С. 23–34.

⁶² Бекбосынова М.Б. Имидж Турции в глазах студенческой молодежи Казахстана (по результатам социологического опроса) // Элеуметтану–Sociology. 2019. № 1. С. 115–125.

⁶³ Муминов А.К. Религиозный фактор в отношениях Турции со странами Центральной Азии // Исламоведение в Центральной Азии. Ташкент, 2017. С. 201–218.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей использования мягкой силы Турции во внешней политике в отношении государств Центральной Азии в 2002–2025 гг.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

- Исследовать концептуальные основы и политико–правовую базу формирования политики мягкой силы Турецкой Республики.
- Выявить идеологические особенности и проанализировать эволюцию турецкой внешнеполитической доктрины (в частности, концепции «Стратегия Великой Турции») в контексте применения инструментов мягкой силы.
- Охарактеризовать финансово–экономические и научно–образовательные механизмы продвижения турецких интересов в государствах Центральной Азии.
- Раскрыть специфику использования культурно–гуманитарного и религиозного факторов как ключевых элементов турецкого влияния в центральноазиатском регионе.
- Оценить результативность реализации политики мягкой силы Турции в Центральной Азии в период с 2002 по 2025 гг., а также определить ключевые проблемы и ограничения, препятствующие ее эффективному продвижению.
- Сформулировать перспективные пути и возможные сценарии повышения эффективности политики мягкой силы Турции на центральноазиатском направлении.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2002 г. по 2025 г. *Нижняя граница (2002 г.)* обусловлена приходом к власти в Турецкой Республике Партии справедливости и развития (ПСР), которое привело к кардинальным изменениям во внешней политике Анкары. Начался отказ от традиционного изоляционизма, и доктрина «стратегической глубины» стал главным в преобразовании внешней политики и соответственно страны Центральной Азии стали рассматриваться как приоритетное направление для проецирования турецкой мягкой силы и культурно–исторического влияния.

Верхняя граница (2025 год) фиксирует завершение базового этапа институционализации Организации тюркских государств (ОТГ). Инструменты турецкой мягкой силы трансформировались из формата двусторонних инициатив в системное многостороннее взаимодействие. К 2025 г. ОТГ окончательно сформировала свои структурные институты (включая начало полномасштабной

операционной деятельности Тюркского инвестиционного фонда). Кроме того, на рубеже 2024–2025 гг. был достигнут исторический консенсус по утверждению Единого общетюркского алфавита, что знаменует собой кульминацию культурно–гуманитарной дипломатии Анкары в регионе. Выбор 2025 г. также позволяет оценить промежуточные итоги реализации внешнеполитической доктрины «Век Турции» (Türkiye Yüzyılı) в условиях геополитической трансформации Евразии.

Источниковую базу исследования можно условно разделить на 4 группы.

Первую группу источников формирует массив официальных нормативно–правовых, концептуальных и программных документов как Турецкой Республики (страны–инициатора), так и государств Центральной Азии (стран–реципиентов). Использование этих материалов позволяет реконструировать официальную позицию сторон и проанализировать институциональный фундамент их взаимодействия. В рамках данной группы выделяются два ключевых направления.

Первое направление охватывает правовые и стратегические основы внешней политики мягкой силы Анкары. Сюда включены концепции внешней политики и правительственные программы, определяющие приоритеты и механизмы реализации турецкого влияния. Основополагающую роль здесь играют законы Турецкой Республики, регламентирующие деятельность профильных структур: Закон № 5978 об учреждении Управления по делам соотечественников за рубежом и родственных сообществ (YTB)⁶⁴, Закон № 6721 о создании турецкого просветительского Фонда «Маариф»⁶⁵, а также Закон № 5653 о Фонде имени Юнуса Эмре⁶⁶. Комплексный анализ данных актов дает возможность проследить логику выстраивания турецкой инфраструктуры влияния за рубежом.

К этой же категории отнесены концептуальные выступления и программные статьи Президента Р.Т. Эрдогана (в частности, в рамках инициативы «Век Турции»), а также официальные документы многостороннего формата – декларации и

⁶⁴ Турция. Законы. О создании Управления по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных общин и его обязанностях: Закон № 5978: принят 24 марта 2010 г. // T.C. Resmî Gazete. 2010. 6 Nisan. Sayı 27544. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2010/04/20100406-1.htm> (дата обращения: 30.03.2026)

⁶⁵ Türkiye Maarif Vakfı (TMV) // Türk Maarif Ansiklopedisi: [сайт]. URL: <https://turkmaarifansiklopedisi.org.tr/turkiye-maarif-vakfi-tmv> (дата обращения: 30.03.2026).

⁶⁶ Турция. Законы. Türkiye Maarif Vakfı Kanunu: Kanun No. 6721: [принят 17 июня 2016 г.] // TBMM: [официальный сайт Великого национального собрания Турции]. URL: <https://www.tbmm.gov.tr/Yasama/Kanun/f72877be-1374-037b-e050-007f01005610> (дата обращения: 30.03.2026).

коммунике саммитов Организации тюркских государств (ОТГ). Данные источники позволяют зафиксировать эволюцию турецких подходов: от гуманитарного присутствия к глубокой институциональной интеграции в рамках тюркского мира.

Второе направление в рамках данной группы составляют официальные материалы государств–реципиентов (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан), применение которых критически необходимо для объективной оценки эффективности турецкой публичной дипломатии и реакции принимающей стороны. Сюда входят концепции внешней политики государств Центральной Азии, позволяющие определить место Турции в их многовекторных внешнеполитических стратегиях. Особую значимость представляют официальные выступления, программные статьи и заявления высшего руководства стран региона (в частности, К.К. Токаева, Ш.М. Мирзиёева, С.Н. Жапарова и других) как в рамках двусторонних визитов, так и на площадках Организации тюркских государств. Их анализ позволяет оценить, в какой мере турецкие нарративы о тюркском братстве и интеграции находят отклик у политических элит стран Центральной Азии.

Вторую группу источников составляют *делопроизводственные* документы профильных министерств и ведомств Турции. Ценность данной категории материалов для исследования заключается в том, что они позволяют реконструировать механизмы практической реализации турецкой мягкой силы и оценить ее реальные масштабы (что является основой для Главы 2). К этой группе относятся, в первую очередь, официальные стратегические планы (Stratejik Plan) и ежегодные отчеты о деятельности (Faaliyet Raporları), публикуемые государственными институтами Турции⁶⁷. Ввиду закрытости внутренней дипломатической переписки, именно эти открытые документы критически важны для понимания информационной и статистической основы турецкой публичной дипломатии⁶⁸. Наиболее востребованными для данного исследования выступают отчеты Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (TİKA)⁶⁹, Управления

⁶⁷ TİKA Stratejik Plan 2024–2028 [Электронный ресурс] // T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı. Ankara, 2024. URL: официальный сайт TİKA (дата обращения: 29.09.2026).

⁶⁸ Türkiye Kamu Diplomasisi Strateji Belgesi 2024–2029 [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanlığı. Ankara, 2024. URL: официальный сайт Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanlığı (дата обращения: 29.09.2026).

⁶⁹ Türkiye Maarif Vakfı (TMV) // Türk Maarif Ansiklopedisi: [сайт]. URL: turkmaarifansiklopedisi.org.tr (дата обращения: 30.03.2026). Текст: электронный.

УТВ⁷⁰, а также Управления по делам религий Турции⁷¹. Данные материалы предоставляют верифицированную количественную и качественную информацию о реализованных проектах (объемы выделенных грантов, количество стипендий для студентов из Центральной Азии, построенные инфраструктурные и религиозные объекты). В совокупности данный комплекс документов позволяет не только констатировать официальные шаги Анкары, но и глубоко проанализировать эффективность применяемых инструментов, что является ключевой задачей настоящей работы.

Третью группу источников формируют материалы публицистического и экспертно-аналитического характера, позволяющие реконструировать идеологическое обоснование внешней политики Турции и специфику ее освещения в информационном пространстве. В отличие от официальных документов, данные источники отражают процесс формирования политических смыслов и их трансляцию целевой аудитории. Центральное место в этой группе занимает фундаментальный труд Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина» (Stratejik Derinlik)⁷², заложивший теоретические основы доктрины неоосманизма и многовекторной дипломатии Анкары. Изучение данной работы в контексте публицистического дискурса необходимо для понимания генезиса современных внешнеполитических амбиций Турции в Евразии. Важной составляющей группы являются доклады и аналитические записки ведущих турецких центров (в частности, Фонда политических, экономических и социальных исследований –SETA). Эти материалы позволяют проанализировать механизмы экспертного сопровождения государственной политики и выявить ключевые идеологемы, используемые для продвижения турецких интересов в странах Центральной Азии. Дополняют указанный массив публикации в профильных периодических изданиях и экспертные оценки Института Юнуса Эмре, касающиеся популяризации турецкого языка и культуры. Обращение к данным источникам дает возможность оценить содержательное наполнение дискурса о «тюркском единстве» и проследить, как

⁷⁰ Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı (YTB). 2024–2028 Stratejik Planı [Электронный ресурс] // T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. Ankara: YTB, 2024. URL: <https://ytb.gov.tr/kurumsal/planlar-ve-raporlar> (дата обращения: 30.03.2026).

⁷¹ Diyanet İşleri Başkanlığı 2022 Yılı İdare Faaliyet Raporu [Электронный ресурс] // T.C. Diyanet İşleri Başkanlığı. Ankara, 2023. URL: <https://tdv.org/tr-TR/medya-odasi/raporlar/> (дата обращения: 30.03.2026).

⁷² Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s.

официальные концепции (такие как «Век Турции») интерпретируются и тиражируются в медийной среде и экспертных кругах.

Четвертую группу составляют *статистические* источники, которые формируют эмпирическую базу исследования и позволяют дать строгую количественную оценку различным аспектам внешней политики Турции. К ним относятся официальные базы данных Турецкого статистического института (TÜİK), ежегодные отчеты Турции по официальной помощи развитию (Kalkınma Yardımları Raporu), а также статистика профильных ведомств. Ценность данных источников заключается в их способности объективно подтвердить или опровергнуть тезисы, основанные на качественном анализе, а также отследить динамику исследуемых процессов. В частности, сводные статистические отчеты YTB по программе правительственных стипендий (Türkiye Bursları)⁷³ являются критически важным источником для анализа образовательного вектора. Этот массив данных позволяет оценить не только финансовые объемы выделяемых квот, но и географический охват студентов из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана, предоставляя конкретные цифры для аргументации выводов о масштабах влияния Анкары. Макроэкономическая статистика TÜİK, в свою очередь, позволяет проанализировать динамику торгового оборота и прямых инвестиций Турции в страны региона, что раскрывает финансово–экономическое измерение мягкой силы. При этом, для обеспечения строгой научной объективности и избежания односторонней (асимметричной) оценки, в данном исследовании применяется метод перекрестной верификации данных. Показатели турецких институтов в обязательном порядке сопоставляются с официальными отчетами национальных статистических ведомств стран региона (Бюро национальной статистики Казахстана⁷⁴, Нацстатком Кыргызстана⁷⁵, Агентство статистики Узбекистана⁷⁶).

⁷³ Türkiye Bursları 2022 Yılı Değerlendirme Raporu [Электронный ресурс] // Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. Ankara, 2023. URL: <https://ytb.gov.tr/kurumsal/planlar-ve-raporlar> (дата обращения: 30.03.2026).

⁷⁴ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Астана, 2024. Доступ из: <https://www.gov.kz/memleket/entities/stat?lang=ru> (дата обращения: 09.06.2026)

⁷⁵ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. Бишкек, 2026. Доступ из: <https://stat.gov.kg/ru/> (дата обращения: 09.06.2026)

⁷⁶ Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике [Электронный ресурс]. Ташкент, 2026. Доступ из: <https://stat.uz/ru> (дата обращения: 09.06.2026).

Подобный бинарный подход к формированию статистической базы позволяет нивелировать расхождения в национальных методологиях подсчета и представить максимально достоверную картину турецкого влияния.

Методологической основой диссертационной работы являются теории среднего уровня, позволяющие провести всесторонний и объективный анализ политики, проводимой Турецкой Республикой в Центральноазиатском регионе.

Базовой теоретической рамкой исследования выступает концепция «мягкой силы» (soft power) Дж. Ная. Применение данного подхода предполагает анализ материальных и нематериальных ресурсов, создающих привлекательный образ государства. В рамках данной концепции исследование фокусируется на анализе практического взаимодействия между ключевыми турецкими структурами (ТКА, Институт Юнуса Эмре, Управление по делам религий) и государствами Центральной Азии.

Для анализа геополитических мотивов Турции, а также стратегии «Великой Турции» и идеологии «тюркского единства» (в частности, в рамках Организации тюркских государств), применяется парадигма неоклассического реализма. Данный подход позволяет рассматривать продвижение языка, образовательных инициатив и культурных проектов не просто как социокультурный процесс, но как прагматичный инструмент государства по максимизации своего влияния в стратегически важном регионе.

Исследование правового обеспечения и механизмов реализации турецкой политики опирается на неолиберальный институционализм, что обуславливает необходимость изучения официальных программных документов, нормативно-правовых актов и уставов.

В основе методологии исследования лежат фундаментальные общенаучные принципы объективности и историзма. Данные принципы являются определяющими в процессе рассмотрения внешнеполитических событий, эволюции турецких институтов мягкой силы и явлений в их строгой хронологической последовательности.

Методы исследования. В процессе написания диссертационного исследования для решения поставленных задач применялась совокупность общенаучных и специально-научных методов.

Из группы общенаучных методов использовались анализ и синтез, а также индукция и дедукция, которые позволили обобщить разрозненные эмпирические

данные о турецком присутствии в странах Центральной Азии и выявить общие закономерности реализации концепции мягкой силы.

Для глубокого раскрытия темы среди специально–научных методов в исследовании нашли применение:

- Метод комплексного анализа документов – применялся при изучении политико–правового обеспечения, внешнеполитических доктрин и стратегических концепций Турецкой Республики;
- Институциональный метод – использовался для исследования деятельности ключевых турецких акторов в регионе (агентство ТІКА, Институт им. Юнуса Эмре, Управление по делам религии, различные фонды), реализующих инструменты мягкой силы в различных сферах;
- Статистический метод – был задействован при оценке объемов финансово–экономического взаимодействия, а также при анализе количественных показателей в научно–образовательной и культурно–гуманитарной деятельности;
- Ивент-анализ (анализ событий) – позволил отследить динамику межгосударственных контактов, реализацию конкретных проектов и ключевых инициатив Турции в центральноазиатском регионе;
- Проблемно–аналитический метод – для критической оценки эффективности внешней политики Анкары, выявления актуальных проблем, неудач и внутренних противоречий в реализации стратегии в Центральной Азии.
- Прогностический метод – применялся на заключительном этапе исследования при разработке путей повышения эффективности турецкой политики мягкой силы и оценке ее дальнейших перспектив с учетом выявленных ограничений.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном анализе политики мягкой силы Турции в Центральной Азии на современном этапе. В отличие от многих работ, где турецкое влияние рассматривается только через призму экономики или культуры, в данной диссертации все инструменты сведены в единую систему. Конкретные элементы научной новизны состоят в следующем:

1. Выявлены механизмы операционализации доктрины «Великой Турции». Идеологический концепт перестал быть абстрактной риторикой. На основе анализа комплекса турецких политико–правовых актов доказано превращение этой идеологии в прикладную внешнеполитическую стратегию. Установлено, что современные нормативные документы фиксируют качественный переход Анкары от

декларативного культурно–исторического позиционирования к жесткому институциональному закреплению своего влияния в регионе.

2. Систематизированы современные инструменты турецкого влияния. Впервые в рамках одного исследования детально разобраны и сопоставлены четыре главных направления: экономика, образование, культура и религия. Особое внимание уделено религиозному фактору и изменениям в образовательной политике Турции в Центральной Азии в последние годы, что ранее было недостаточно изучено в отечественной литературе.

3. Определены структурные пределы эффективности турецкой «мягкой силы». Применение метода сравнительного политологического анализа позволило деконструировать тезис о безусловной успешности стратегии Анкары. Выявлена прямая зависимость между внутренними макроэкономическими дисбалансами Турецкой Республики и сужением ее интеграционных возможностей. Доказано, что усиливающаяся конкуренция с традиционными глобальными акторами формирует жесткий барьер, блокирующий монополизацию Турцией регионального гуманитарного пространства.

4. Смоделированы прогностические сценарии трансформации турецкой внешнеполитической стратегии. Разработана теоретическая матрица потенциальных кризисов и точек роста влияния Анкары. Обоснованы вероятные траектории адаптации инструментов мягкой силы к специфике политических режимов государств Центральной Азии в условиях меняющегося евразийского баланса сил.

Теоретическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно расширяет и систематизирует научные знания о специфике турецкой внешней политики и роли мягкой силы в Центральной Азии. В работе комплексно проанализированы основные инструменты влияния Турции в этом регионе (финансово–экономические, образовательные, культурные и религиозные), что позволяет лучше понять механизмы реализации концепции «Великой Турции» на практике.

Вводимые в научный оборот материалы и систематизированные данные способствуют более глубокому изучению данной проблематики. Основные выводы и положения диссертации могут представлять интерес для историков, политологов, тюркологов и специалистов по международным отношениям, которые изучают внешнюю политику Турции на постсоветском пространстве. Кроме того, результаты

работы могут быть использованы при подготовке учебных курсов, лекций и семинаров по темам региональной безопасности и внешней политики государств Центральной Азии.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что собранный фактический материал, выводы и предложенные рекомендации имеют ярко выраженный прикладной характер.

Во-первых, результаты исследования (в частности, анализ эффективности и ограничений из третьей главы) могут быть востребованы государственными структурами и внешнеполитическими ведомствами для корректировки стратегий и выработки грамотной позиции по отношению к странам Центральной Азии с учетом растущего турецкого влияния.

Во-вторых, материалы диссертации представляют практический интерес для профильных аналитических центров и экспертных институтов, занимающихся мониторингом геополитической ситуации и оценкой инструментов мягкой силы на евразийском пространстве.

В-третьих, основные положения и фактологическая база работы могут быть использованы в высших учебных заведениях при подготовке специалистов–международников и тюркологов. Материалы диссертации отлично подойдут для разработки лекционных курсов, семинаров и написания учебных пособий по дисциплинам «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение» и «Внешняя политика Турции».

Положения, выносимые на защиту:

1. Трансформация идеологического концепта в прагматичный инструмент влияния. Политика мягкой силы Турецкой Республики в Центральной Азии эволюционировала от изначальной опоры на идеи пантюркизма и историко-культурной общности к прагматичной стратегии сближения. Доказано, что Анкара отказалась от патерналистской модели («старшего брата») в пользу позиционирования себя в качестве экономически развитого, светского и равноправного партнера, сохраняющего приверженность традиционным исламским ценностям.

2. Институционализация турецкой политики «мягкой силы». Для реализации внешнеполитических задач в регионе сформирована комплексная институциональная сеть, ключевыми акторами которой выступают ТІКА (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации), Институт Юнуса Эмре, Фонд

«Маариф» и Управление по делам религий. Выявлена синергия их деятельности: инициативы в образовательной, культурной и религиозной сферах системно подкрепляются экономическими инвестициями, что обеспечивает масштабный охват как политических элит, так и широких слоев населения стран-реципиентов.

3. Религиозная дипломатия как автономный вектор геополитической конкуренции. Специфическим и высокоэффективным инструментом влияния Турции выступает экспорт умеренной исламской модели. Посредством спонсирования строительства мечетей, подготовки лояльных религиозных кадров и распространения теологической литературы Анкара формирует благоприятную для себя духовную среду. Данный фактор не только укрепляет двусторонние связи, но и выступает инструментом конкуренции Турции с другими глобальными акторами (прежде всего, странами Персидского залива) за влияние на исламское пространство региона.

4. Образовательная политика как механизм формирования лояльных элит. Установлено, что турецкая стратегия в сфере образования претерпела качественные изменения в последние годы. Произошел переход от поддержки частных инициатив к жесткому государственному контролю над образовательным экспортом. Данный инструмент используется для долгосрочного форматирования региональных элит и создания устойчивых социокультурных связей, что обеспечивает отложенный, но наиболее прочный эффект мягкой силы.

5. Экономическая дипломатия как базис гуманитарного влияния. Финансово-экономические инструменты (инвестиции, кредиты, деятельность турецкого строительного и торгового бизнеса) в Центральной Азии выполняют двойную функцию. Они не только обеспечивают реализацию национальных экономических интересов Турции, но и выступают материальным драйвером продвижения турецкого культурно-гуманитарного кода, создавая позитивный образ страны-инвестора.

6. Структурные пределы и барьеры для турецкой «мягкой силы». Эффективность реализации турецкой стратегии ограничивается объективными внутренними и внешними барьерами. Ключевым внутренним фактором уязвимости выступают макроэкономические дисбалансы и финансовые трудности самой Турецкой Республики, сужающие ее ресурсную базу. Внешним блокирующим контуром является усиливающаяся конкуренция со стороны традиционных геополитических тяжеловесов (России и Китая), а также настороженность

политических режимов стран Центральной Азии к чрезмерному иностранному идеологическому влиянию.

7. Прогностическая модель трансформации турецкой стратегии. На основе политологического анализа смоделированы вероятные траектории адаптации турецких инструментов «мягкой силы» к меняющемуся евразийскому балансу сил. Обосновано, что для удержания позиций Анкаре потребуется разработка точечных кризисных матриц, учитывающих специфику каждого конкретного государства Центральной Азии, вместо применения универсальных региональных шаблонов.

8. Переход от экстенсивных показателей к высокотехнологичной дипломатии. Доказано, что на фоне ограниченности ресурсной базы турецкая стратегия влияния претерпевает качественную трансформацию, которая выражается в постепенном отказе от наращивания исключительно физической инфраструктуры. Фиксируется перенос вектора активности в цифровую среду: приоритет отдается информационно–коммуникационным проектам и точечной работе в медиапространстве стран Центральной Азии. Подобный маневр решает сразу несколько ключевых задач. С одной стороны, происходит необходимая в текущих реалиях оптимизация финансовых издержек. С другой – внедрение высокотехнологичного компонента открывает возможности для прямого, алгоритмизированного воздействия на целевую молодежную аудиторию. В совокупности это позволяет Анкаре компенсировать внутренние экономические барьеры и сохранять привлекательность собственного имиджа в условиях жесткой региональной конкуренции.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования обеспечивается привлечением обширной и актуальной базы источников, включая официальные государственные документы, статистические данные и материалы СМИ на русском, турецком и английском языках.

Кроме того, достоверность работы подтверждается корректным применением проверенных научных методов, а также всесторонним анализом различных подходов и точек зрения на проблему турецкой «мягкой силы» со стороны российских, турецких, западных и центральноазиатских исследователей. Сформулированные в диссертации выводы и рекомендации логично вытекают из проанализированного фактического материала и опираются на надежную эмпирическую базу.

Апробация результатов исследования. Основные положения, выводы и практические рекомендации диссертационного исследования прошли апробацию в рамках выступлений и обсуждений на научных мероприятиях различного уровня, а также нашли полное отражение в публикациях автора.

По теме диссертационного исследования опубликовано три научные работы. Все три статьи изданы в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней.

Отдельные теоретические положения и выводы были изложены автором на общероссийских научных конференциях и круглых столах таких как: круглом стол «Интерпретация исторического опыта стран Востока в международных отношениях в актуальном политическом дискурсе» (19 февраля 2025 г., Института востоковедения РАН, Москва), научной конференция «Евразийские интеграционные процессы: Векторы развития» (16 сентября 2025 г., в Российской академии наук, Москва), Всероссийская научная конференция «Турецкая республика в эпоху глобальных трансформаций» (21 октября 2025 г., в Институте научной информации по общественным наукам ИНИОН РАН, Москва).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность, объект, предмет исследования, определяются цель и основные задачи, методология, раскрывается степень изученности проблемы, дается характеристика источниковой базы, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также ее структура.

В первой главе «**Концептуальные основы политики мягкой силы Турции**» обосновывается, что современная стратегия «Великой Турции» представляет собой синтез неоосманизма и пантюркизма, опирающийся на разветвленную институциональную инфраструктуру и сеть межправительственных соглашений. Использование инструментов «умной силы» позволяет Анкаре эффективно конвертировать военно-технический потенциал в долгосрочные экономические обязательства партнеров. Вместе с тем выявленные ограничения – технологическая

зависимость от Запада и многовекторность стран Центральной Азии – обуславливают уязвимость текущей модели. Автор приходит к выводу о неизбежности трансформации турецкого курса в сторону промышленной кооперации и нормативной интеграции.

В первом параграфе *«Правовое обеспечение реализации Турцией политики мягкой силы»* анализ нормативно–правовой базы подтверждало, что Турция создала устойчивый институциональный каркас для реализации мягкой силы, трансформировав идеологические концепты в бюрократизированную государственную политику. Фундаментом системы стала доктрина «Стратегической глубины», легализованная серией законов о деятельности ключевых операторов: ТИКА, Фонда Юнуса Эмре, YTB и фонда «Маариф». Четкое разграничение полномочий между этими ведомствами, закрепленное Координационным советом по публичной дипломатии, позволило эффективно охватить инфраструктурные, образовательные и культурные направления. Религиозная дипломатия была интегрирована через Управление Diyanet, получившее дипломатический статус, что обеспечило гибкость и оперативность финансирования проектов в обход парламентских процедур. Второй уровень архитектуры – сеть двусторонних соглашений – наделил турецкие структуры иммунитетом и налоговыми льготами, гарантируя долгосрочное присутствие в правовом поле стран региона. В совокупности это позволило Анкаре перевести внешнеполитическое влияние из декларативной плоскости в разряд стратегического бюджетного планирования, создав методологически защищенную базу для реализации своих интересов.

Во втором параграфе *«Особенности турецкой внешнеполитической концепции «стратегия великой Турции»»* показано что, современная внешняя политика Турции представляет собой многоуровневую стратегию, основанную на синтезе неоосманизма и пантюркизма, подкрепленную военными доктринами «Голубая родина» и «Небесная родина». Однако реализация этих амбиций сталкивается с серьезными системными ограничениями, включая дипломатическую изоляцию, технологическую зависимость и противодействие со стороны как западных союзников, так и региональных игроков. Переход к стратегии «умной силы» позволил Анкаре комбинировать инструменты влияния, включая «беспилотную дипломатию» и экономическую интеграцию, но одновременно вовлек страну в конфликтные зоны и породил новые внешнеполитические риски. Экономическая модель «Глобального хаба» делает Турцию критически зависимой от

транзитных потоков и интересов ключевых поставщиков ресурсов, таких как Россия и Азербайджан. Популистская доктрина «Мир больше пяти» способствует укреплению статуса Анкары на Глобальном Юге, однако объективно ослабляет ее позиции внутри евроатлантических структур. В конечном итоге, несмотря на масштабную экспансию, Турция вынуждена постоянно балансировать между глобальными игроками, что препятствует реализации ее долгосрочных гегемонистских устремлений.

Во второй главе «Инструменты мягкой силы Турции в Центральной Азии» показано, что турецкая мягкая сила в Центральной Азии представляет собой многомерную систему, эффективность которой детерминирована языковой близостью и прагматизмом местных элит (прежде всего в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане). Посткризисная централизация управления через госинституты (TİKA, Maarif, Diyanet) после 2016 года позволила Анкаре усилить позиции, предложив региону альтернативу иранскому и арабскому влиянию. В то же время этнолингвистические и географические барьеры по-прежнему препятствуют перерастанию этого культурно-гуманитарного потенциала в безусловное геополитическое доминирование.

В первом параграфе *«Финансово-экономические инструменты политики мягкой силы Турции в Центральной Азии»* исследуется комплекс финансово-экономических механизмов, составляющих основу политики мягкой силы Турции в Центральноазиатском регионе. Автор прослеживает качественную трансформацию турецкого подхода – от предоставления точечной грантовой помощи в социальной сфере к реализации масштабных логистических проектов и созданию многосторонних инвестиционных институтов. Исследование показало, что результативность этих мер напрямую коррелирует с уровнем экономического развития и политической открытости принимающих государств. Если в странах с переходной экономикой гранты эффективно формируют лояльность населения, то в более стабильных республиках акцент смещается на промышленную кооперацию, создающую глубокую привязку к турецкому капиталу. Институциональное влияние Анкары дополнительно укрепляется за счет транспортной дипломатии и деятельности Тюркского инвестиционного фонда, хотя их потенциал и сталкивается с объективными географическими барьерами. В конечном итоге сделан вывод об избирательном характере турецкого воздействия, которое достигает максимального эффекта в тюркоязычных и экономически интегрированных странах региона.

Во втором параграфе «Научно–образовательное измерение мягкой силы Турции в государствах Центральной Азии» анализируется эволюция научно–образовательного вектора турецкой мягкой силы: от децентрализованных сетей 1990–х годов к современной государственной монополии в лице фонда «Маариф» и программы Türkiye Bursları. Установлено, что после 2016 года Анкара консолидировала экспорт образовательных услуг под жестким правительственным контролем, что привело к существенной дифференциации результатов в зависимости от политических условий конкретной страны. В то время как в Казахстане и Кыргызстане удалось успешно сохранить совместные университетские проекты, в Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане ограничения в школьном секторе вынудили Турцию переориентироваться на подготовку узкопрофильных специалистов в сфере медицины и высоких технологий. Подобная стратегия способствует формированию в тюркоязычных республиках прослойки лояльных управленческих кадров, чьи профессиональные интересы тесно переплетены с турецкими экономическими инициативами. При этом в персоязычном Таджикистане и закрытом Туркменистане турецкое воздействие сохраняет сугубо точечный характер, не трансформируясь в масштабный культурно–политический ресурс. В итоге выявлено что эффективность образовательных инструментов мягкой силы прямо обусловлена сочетанием языковой близости, институциональной открытости и прагматичного экономического взаимодействия.

В третьем параграфе «Культурно–гуманитарное измерение мягкой силы Турции в Центральной Азии» анализируется культурно–гуманитарное измерение турецкой мягкой силы, охватывающее медиаполитику, языковую интеграцию и широкую гуманитарную дипломатию. Анкара последовательно синхронизирует историческую память и лингвистические стандарты стран региона с собственными интересами, активно задействуя потенциал ТЮРКСОЙ, Тюркской академии и государственных медиахолдингов. Исследование подтверждает, что глубина культурного и информационного влияния значительно выше в тюркоязычных республиках, в то время как в Таджикистане и Туркменистане оно ограничивается лишь локальными инициативами. Особое внимание уделено экспорту телеконтента и массовой трудовой миграции, которые выступают каналами транснациональной социализации и способствуют внедрению турецких ценностных моделей в повседневную жизнь населения. Совокупность этих факторов, дополненная архивной дипломатией и развитием этноспорта, формирует устойчивую платформу

для долгосрочного присутствия Турции в социальном пространстве региона. В итоге автор приходит к выводу, что результативность гуманитарного вектора напрямую зависит от этнолингвистической близости и уровня институциональной открытости государств–партнеров.

В четвертом параграфе *«Религиозный фактор как инструмент мягкой силы Турции в Центральной Азии»* анализируется религиозный фактор как стратегический ресурс турецкой мягкой силы, институционально оформленный через деятельность Diyaneta и механизмы координации в рамках Организации тюркских государств. Установлено, что продвижение ханафитского мазхаба и матуридизма в качестве умеренной альтернативы радикальным течениям позволяет Анкаре эффективно интегрироваться в духовное пространство региона при поддержке местных светских элит. Отмечено существенная региональная дифференциация: если в Кыргызстане турецкие структуры реализуют масштабные образовательные и строительные проекты, то в Казахстане и Узбекистане их активность жестко регламентирована и ограничена академической сферой. Важную роль в трансляции турецких ценностных моделей играют также косвенные факторы, такие как трудовая миграция и цифровые сервисы, способствующие органичному внедрению турецкой интерпретации ислама в повседневные практики населения. В конечном итоге сделан вывод об избирательном характере религиозной дипломатии Анкары, чей успех детерминирован уровнем конфессиональной близости и прагматизмом правящих кругов центральноазиатских республик.

В третьей главе **«Эффективность использования мягкой силы Турцией в Центральной Азии»** проанализированы ограничения турецкой «мягкой силы», вызванные экономическим кризисом в Турции и конкуренцией с Россией и Китаем. Январские события 2022 года в Казахстане подтвердили неспособность Анкары быть гарантом региональной безопасности, закрепив за ОТГ статус консультативной площадки. В этой связи обоснован переход к стратегии «умной силы»: инвестициям в IT–сферу, локализации производства БПЛА и развитию «Срединного коридора». Сделан вывод, что устойчивость позиций Турции теперь зависит не от идеологии, а от формирования технологической экосистемы и промышленной кооперации в статусе «безопасного балансирующего партнера».

В первой параграфе *«Анализ результатов и достижений в реализации политики мягкой силы Турции в Центральной Азии»* результаты проведенного исследования свидетельствуют, что за последние два десятилетия турецкая мягкая

сила в Центральной Азии эволюционировала из культурно-гуманитарного влияния в глубокое структурное геоэкономическое и геополитическое присутствие. Ключевыми индикаторами этого процесса стали институционализация региональной интеграции в рамках Организации тюркских государств, принятие стратегии «Видение Тюркского мира – 2040» и рост транзита по Транскаспийскому маршруту на 86%. Анкаре удалось занять статус ведущего модератора религиозных процессов, предложив элитам региона безопасную ханафитско-матуридистскую модель, и закрепить информационное доминирование через Альянс тюркских информационных агентств. Особое значение имеет образовательная экспансия, завершившаяся внедрением единых учебных стандартов и формированием новой управленческой элиты, а также цифровая и миграционная экспансия, создавшая глубокую технологическую и социально-экономическую зависимость региона от турецких экосистем. В совокупности это позволило Турции преодолеть защитные барьеры суверенных государств в наиболее чувствительных сферах – от идеологии и образования до цифровой инфраструктуры. При этом турецкое присутствие воспринимается в регионе не как внешняя экспансия, а как естественный процесс модернизации и возвращения к общим историческим корням, что обеспечивает Анкаре уникальный уровень устойчивости и долгосрочного влияния.

Во втором параграфе *«Актуальные проблемы и ограничения в использовании политики мягкой силы Турцией в Центральной Азии»* исследуется эффективность турецкой мягкой силы в Центральной Азии, в ходе чего был выявлен фундаментальный дисбаланс между геополитическими амбициями Анкары и ее реальными экономическими и логистическими ресурсами. Установлено, что макроэкономическая нестабильность Турции и географическая оторванность от региона создают структурные барьеры, вынуждая Анкару переходить от безвозвратных грантов к коммерциализированным моделям сотрудничества. Выявлено, что центральноазиатские элиты прагматично ограничивают идеологическую экспансию Турции, сохраняя за Организацией тюркских государств статус исключительно консультативной площадки и блокируя наднациональные инициативы. Доказано, что Турция сталкивается с жесткой конкуренцией: со стороны России – в сфере безопасности и миграции, Китая – в масштабах инвестиций, и Запада – в привлекательности образовательных стандартов. Обосновано, что события 2022 г. в Казахстане подтвердили неспособность Анкары выступать гарантом безопасности в условиях доминирования ОДКБ и физической

удаленности турецких военных ресурсов. В совокупности это свидетельствует, что многовекторная политика государств региона намеренно удерживает турецкое влияние в тактических рамках, делая достижение геополитической гегемонии Анкары в Центральной Азии практически невозможным.

В *третьем параграфе «Пути повышения эффективности политики мягкой силы Турции в Центральной Азии»* исследуются пути преодоления ограничений турецкого влияния в Центральной Азии через переход от культурно–гуманитарной экспансии к прагматичной модели «умной силы», основанной на технологическом трансфере и нормативной интеграции. Выявлено, что стратегический разворот требует переориентации образовательной дипломатии на ИТ–сферу и инженерные науки, а также углубления военного сотрудничества через локализацию оборонных производств и кибербезопасность. Установлено, что ключевыми факторами влияния должны стать капитализация Срединного коридора через инвестиции в каспийские порты и трансформация ОТГ в полноценный экономический механизм с реальной зоной свободной торговли. Показано, что в культурной сфере необходим переход от исторических сериалов к цифровым медиаформатам и киберспорту для обеспечения прямого идеологического воздействия на поколение зумеров. Обоснована необходимость адаптации Турции к многовекторности региона через роль технологического оператора в трехсторонних проектах с привлечением европейского и ближневосточного капиталов. В совокупности это свидетельствует, что внедрение турецких технических и корпоративных стандартов способно создать устойчивую региональную экосистему, делающую критическую инфраструктуру государств Центральной Азии, структурно зависимой от партнерства с Анкарой.

В **заключении** подведены итоги проделанной работы, содержатся основные выводы и обобщения.

За рассматриваемый период подходы Анкары к региону претерпели качественную эволюцию: из набора разрозненных гуманитарных акций стратегия превратилась в системно выстроенный механизм геополитического проектирования. Практика показала, что ранняя ставка на историко–культурную близость и концепцию «тюркского братства» имеет свои пределы и не способна обеспечить долгосрочное лидерство. В связи с этим турецкое руководство произвело глубокий пересмотр нормативно–правового базиса своей «мягкой силы», фактически встроив ее в общую государственную вертикаль и подчинив прагматичным целям.

Современная культурная дипломатия Турции сегодня выполняет роль прикладного инструмента. Она призвана создавать психологический и социальный фундамент для реализации стратегических политических и экономических союзов. При этом лозунги о «Великой Турции» трансформировались в легитимную доктрину присутствия в евразийском пространстве, лишенную прямого агрессивного подтекста, но надежно обосновывающую национальные интересы.

Особое место занимает финансово-экономический блок. Турецкие инвестиции, кредитные линии и масштабная активность строительного сектора в центральноазиатских республиках решают двоякую задачу: с одной стороны, они приносят прямую выгоду Анкаре, с другой – служат материальным проводником турецкого гуманитарного влияния. Формирующийся имидж Турции как «государства–созидателя» и ключевого инвестора делает местные общества более восприимчивыми к турецким ценностным установкам.

Прорывом в турецкой стратегии стало переформатирование образовательной политики. Вместо простого распространения языка турецкие учебные заведения превратились в кузницу кадров для национальных управленческих элит стран-реципиентов. Речь идет о целенаправленном воспитании пула специалистов, которые с юности социализированы в рамках турецкой корпоративной и этической модели. Накопленный «кадровый капитал» уже сегодня дает значительный эффект: выпускники турецких программ занимают ответственные посты в госаппарате и бизнесе, становясь естественными проводниками интересов Анкары.

Религиозный аспект политики Турции («умеренный ислам») филигранно адаптирован к запросам светских властей региона. Такая осторожная тактика позволяет Анкаре избегать обвинений в поддержке радикализма и успешно конкурировать с монархиями Персидского залива за право определять смысловые векторы в исламской среде Центральной Азии.

Тем не менее, ключевым ограничителем турецкого влияния остается стремление центральноазиатских элит к сохранению суверенитета. Взаимодействие с Анкарой воспринимается ими как важный элемент политики балансирования между мировыми центрами силы, при этом любые попытки прямого идеологического диктата со стороны Турции встречают вежливое, но твердое сопротивление.

В этих условиях Анкара совершила переход от классической «мягкой силы» к концепции «умного влияния». Теперь основным драйвером экспансии выступает не

культура, а экспорт технологических и управленческих стандартов. Особенно четко это прослеживается в военно-техническом сотрудничестве и логистике (в частности, в проекте Транскаспийского маршрута). Закупки турецких оборонных систем неизбежно влекут за собой интеграцию турецкого программного обеспечения и принятие турецких методик обучения кадров. Таким образом создается замкнутый технологический цикл: подготовка специалистов осуществляется под конкретное оборудование, эксплуатация которого требует эксклюзивного сопровождения со стороны турецких компаний.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, входящих в перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты исследований в рамках диссертации, представленных к защите в диссертационных советах РУДН.

1. Ибадов Н.В. Реализация концепции «мягкой силы» Турции в тюркском регионе / Ибадов Н.В. // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. №1. С. 32–39. (0,8 п. л.)
2. Ибадов Н.В. Влияние региональных и глобальных событий на стратегию «мягкой силы» Турции в Центральной Азии (2002–2025) / Н.В. Ибадов // Общество: философия, история, культура. 2025. № 12. С. 176–182. (0,8 п. л.)
3. Ибадов Н.В. Центральная Азия как арена «мягкой силы»: Сравнительный анализ подходов Турции, России, Китая и США (2002–2025 гг.) // Альманах Казачества. 2025. № 89. С. 260–266. (0,4 п. л.)

ИБАДОВ Нушираван Вагиф оглы
ПОЛИТИКА МЯГКОЙ СИЛЫ ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(2002–2025)

Диссертационное исследование посвящено анализу эволюции и результативности политики мягкой силы Турции в государствах Центральной Азии в период с 2002 по 2025 год. В работе проанализированы концептуальные и правовые основы турецкой внешней политики, а также представлен детальный обзор практических инструментов влияния: от экономических инвестиций и образовательных программ до религиозной дипломатии и цифровой экспансии. Особый акцент в исследовании сделан на выявлении системных ограничений, препятствующих турецкому доминированию, таких как экономическая нестабильность Турции, влияние России и Китая, а также приверженность стран региона многовекторному курсу. В ходе работы установлено, что для преодоления этих барьеров Анкара перешла от классической «мягкой силы» к стратегии «умной силы», основанной на системном экспорте технологических стандартов и создании закрытых инфраструктурных циклов. В качестве основного вывода констатируется формирование в Центральной Азии «асимметричной взаимозависимости»: Турция настолько глубоко интегрировалась в критически важную инфраструктуру региона, что отказ от ее технологий стал сопряжен с рисками для национальной безопасности республик. Это позволило Анкаре конвертировать социокультурный капитал в реальный геополитический вес без формализации отношений через жесткие военно–политические пакты.

Nushiravan Vagif oglu IBADOV
TURKEY'S SOFT POWER POLICY IN CENTRAL ASIA (2002–2025)

This dissertation examines the evolution and effectiveness of Turkey's soft power policy in Central Asian states from 2002 to 2025. The study analyzes the conceptual and legal foundations of Turkish foreign policy and provides a detailed overview of practical influence tools, ranging from economic investments and educational programs to religious diplomacy and digital expansion. Particular emphasis is placed on identifying systemic constraints that hinder Turkish dominance, such as Turkey's domestic economic instability, the significant influence of Russia and China, and the commitment of regional states to multi–vector foreign policies. The research establishes that to overcome these barriers, Ankara has shifted from classic "soft power" to a "smart power" strategy. This approach is based on the systematic export of technological standards and the creation of closed infrastructural cycles through the integration of Turkish equipment, software, and personnel training methodologies. The primary conclusion of the study posits the formation of an "asymmetric interdependence" in Central Asia: Turkey has integrated so deeply into the region's critical infrastructure that abandoning its technological solutions now poses direct risks to the national security and economic stability of these republics. This has allowed Ankara to successfully convert its sociocultural capital into tangible geopolitical weight without the need for formalizing relations through rigid military–political pacts.